

транснациональное право как "все право, которое регулирует акты и события, выходящие за пределы национальных границ" и включает "как публичное, так и частное международное право... (плюс) другие нормы, которые не слишком соответствуют этим стандартным категориям". — P. Jessup, *Transnational Law* 2, (1956).

ВЗГЛЯД ИЗ АМЕРИКИ

Питер Ротленд

ПОДВЕЛА ЛИ РОССИЮ ДЕМОКРАТИЯ?

Внезапный крах Советского Союза был сразу же признан наилучшим историческим оправданием западной системы ценностей и доказательством превосходства как рыночной экономики, так и демократической политической системы. Америка одержала победу в холодной войне, и теперь уже ничто, казалось бы, не могло воспрепятствовать "триумфальному шествию рыночной демократии" (если использовать элегантно-краткое определение президента Клинтона) от Белграда до Бишкека. Никто не счел нужным задуматься, разумна ли телеологическая концепция, согласно которой эволюцию России можно считать движением от точки А (политическая система государственного социализма с командной экономикой) к точке Б (демократическая политическая структура плюс рыночная экономика).

Лишь немногие проявили склонность поглубже поразмыслить над тем, как именно традиционные представления о рыночной экономике и демократии могут преломиться в политической реальности постсоветских государств. Произошло как раз обратное: все приняли за аксиому, что и демократию, и рыночную экономику можно создать параллельно и одновременно, причем в любой стране земного шара. Такая вера поставила Бориса Ельцина перед необходимостью выступить в качестве и Адама Смита, и Джорджа Вашингтона — а ведь даже одной из этих ролей было бы более чем достаточно, пусть и при его незаурядных способностях к перевоплощению.

В этой статье панглоссова простота парадигмы "рыночной демократии" будет подвергнута критике по трем направлениям. Во-первых, будет поставлена под вопрос та конкретная модель демократии, которая пропагандирует-

ся для России западными советниками и доброжелателями. Во-вторых, сама демократизация будет рассматриваться в контексте нерешенных проблем государственного и национального строительства в России, от которых избавлено большинство стран, меняющих свои политические и экономические системы. В-третьих, будут изучены связи между отнюдь не победоносной российской демократизацией и рыночной реформой.

Необходимо помнить то важнейшее обстоятельство, что Россия, переживая переходный процесс исторического зачтения, находится скорее в нисходящей, деструктивной фазе дезинтеграции, нежели на этапе подъема. Практически мгновенный распад Советского Союза стимулировал бурные центробежные течения, все еще сотрясающие политическую, экономическую и социальную ткань России. Ельцину в союзе с демократическим движением удалось мобилизовать на разрушение старой системы весьма значительные политические силы, но они не смогли договориться между собой о контурах нового порядка.

Демократическая увертюра восемьдесят восьмого-девяностого годов вызвала к жизни две ранее не существовавшие политические силы: широкое, но довольно поверхностное демократическое движение, возросшее на массовых митингах протеста и избирательных кампаниях, и символ демократии — парламент, правда разваливающийся, с минимальной законодательной властью, лишь временно наделенный легитимностью. Однако в дополнение к этим новым актерам на российской политической сцене действовали и сомкнутые ряды прежней элиты: генералитет, высшая бюрократия, директорский корпус, органы безопасности, бывшие партийные аппаратчики. Этот переходный политический режим отличался двумя особенностями — местничеством и исключительной ролью президентской власти и особенно ее носителя Бориса Ельцина, действующего в качестве посредника между старыми и новыми политическими группами. Нужно отметить, что реальные полномочия Ельцина зиждились прежде всего на авторитете и харизме его личности, а не на формальных прерогативах его должности, которые по большей час-

ти вообще не были четко определены законом и не имели серьезных противовесов в лице других институтов власти. Что же касается местничества, или, выражаясь иначе, роста независимости и амбиций регионов, то причиной его было ослабление власти старой центральной бюрократии и, как следствие, сдвиг от функционального, отраслевого представительства политических интересов к территориальному. В конечном счете такой сдвиг должен способствовать развитию демократии, но на этом этапе он сильно осложнил задачи российского руководства.

РАБОЧАЯ МОДЕЛЬ ДЕМОКРАТИИ

Участники большинства дискуссий о становлении демократии в России исходят из того, что существует некий единый набор обязательных элементов любой системы политической демократии. Их список примерно таков:

- Свободные и честные выборы
- Разделение властей
- Справедливая и независимая судебная власть
- Свободная и активно добывающая информацию пресса
- Приверженность всего общества демократическим ценностям
- Уважение к правам человека; как минимум, индивидуальным, но, возможно, и коллективным, таким как права этнических меньшинств.
- Наличие гражданского общества, иначе говоря, множественность форм социальной организации.

Все эти строительные блоки демократии, предписываемые либеральным канонам, можно найти и в России, только в причудливо искаженной форме. Перефразируя Троцкого, можно сказать, что это самоварное отражение демократии. Первые робкие шаги России по демократическому пути отнюдь не устранили от власти значительную часть старой элиты, но зато сопровождалась экономической дезинтеграцией, расцветом преступности, невиданным падением нравов, повышением уровня смертности и утратой международного влияния. Западные либералы вместо того, чтобы задуматься над адекватностью и применимостью

их собственной модели демократии, списывали все эти проблемы на недостатки российской политической культуры или личные качества российских руководителей. Нам постоянно твердят, что это не демократия подвела Россию, а напротив, Россия не выдержала испытания демократией.

На деле, представленный выше "списочный" подход чрезвычайно наивен, поскольку сводит демократию всего лишь к набору определенных ценностей и институтов. Он полностью абстрагируется от практической политики, иначе говоря, от идейных конфликтов различных общественных и политических групп и их борьбы за ресурсы. Вместо этого предполагается, что вслед за демократическими ценностями и институтами приходят политические партии, конкурирующие за голоса избирателей, после чего наступает эра разумной политики и эффективного управления. Сторонники "списочного" подхода видят в демократии не форум для разрешения политических противоречий, а лишь источник политической легитимности. Из парадигмы рыночной демократии вытекает, что у нового российского правительства просто не было другого выбора, кроме либерализации рынка. Если задуматься, получается довольно любопытный вид демократии, которая начинается с уверений в отсутствии для нее любых альтернатив.

А теперь просмотрим весь этот список из семи якобы необходимых атрибутов демократии и оценим, насколько они соответствуют российской действительности.

1. Свободные и честные выборы

Первые относительно свободные выборы были проведены в СССР в 1989 и 1990 гг. В июне 1991 г. Борис Ельцин был избран президентом Российской Федерации. Поскольку Горбачев не решился добиваться избрания на всеобщих прямых выборах, все увидели легитимного лидера народа России именно в Ельцине. Этот опыт вновь показал, как опасно для авторитарных режимов играть с выборами — даже при весьма несовершенных избирательных процедурах и полубеспорядочных парламентах. Горбачевский эксперимент

запустил процесс демократизации, постепенно разрушивший власть компартии.

Пока что все вроде бы шло в соответствии с вышеописанной моделью демократии. Однако после провала августовского путча 1991 г. Ельцин странным образом не пожелал дать зеленый свет новой избирательной кампании. Страны Восточной Европы провели свободные выборы в течение нескольких месяцев после краха правивших там социалистических режимов. Ельцин обнаружил, что не в силах договориться со своими демократическими союзниками по таким ключевым вопросам как проведение рыночной реформы и создание новой постсоветской федерации. Тогда он решил сделать это самостоятельно и отложил новые выборы до декабря 1993 г. Если бы выборы состоялись в конце девяносто первого, они бы, по всей вероятности, принесли убедительную победу демократам. Но после того, как в январе девяносто второго правительство отпустило цены, экономика начала разваливаться с повышенной скоростью, и часть вины за это общественность возложила на демократов.

Все дело, однако, в том, что даже к концу девяносто четвертого года, когда была написана эта статья, в России не было ни одной сколько-нибудь серьезной политической партии. Как правило, такие партии появляются на свет только двумя путями: либо они вырастают из достаточно массовых общественных движений, либо начало им кладут уже сформировавшиеся парламентские фракции. В ходе предвыборных кампаний 1989-1990 годов зародилась довольно-таки расплывчатая коалиция клубов избирателей, давшая начало движению "Демократическая Россия". Демороссы на деле продемонстрировали способность созывать массовые демонстрации и проводить своих кандидатов в парламент. Беда, однако, была в том, что между собой они соглашались практически только в одном пункте — в необходимости устранить от власти компартию. Поскольку следующие выборы были отложены до конца 1993 г., только еще оперявшиеся российские партии не могли развиваться естественным путем, посредством организации и проведения избирательных кампаний. Вместо этого их лидеры при-

бегли к искусственному раздуванию кризисов и конфронтации, ибо только таким путем они могли объединить и воодушевить своих последователей. Эта тактика заметно усилила поляризацию и так уже беспокойной российской политики.

Российский способ "нисходящего" формирования политических партий (от депутатских групп к низовым организациям) не отличался надежностью. Межрегиональная Группа, образованная демократически настроенными депутатами Съезда народных депутатов СССР в 1989 г., так и не сплотилась в подлинную партию. С самого начала ее раздирали личные конфликты между лидерами и более принципиальные разногласия по национальным проблемам (например, нужно ли сохранять Советский Союз). Реальные решения по-прежнему принимал президентский аппарат, не оставляя ничего существенного на долю парламента. В итоге депутаты не имели возможности спорить и договариваться по реальным вопросам, из-за чего не имели и серьезных деловых стимулов для формирования устойчивых коалиций. Вместо этого парламент постоянно раскалывался на мелкие эфемерные группы и группочки, единственной целью которых было создание стартовых позиций для продвижения отдельных политиков на правительственные посты.

Едва ли не все парламентские партии, кроме разве что коммунистов и откровенных националистов, мало чем отличались друг от друга в политико-идеологическом плане. Реальные различия между политическими фигурами состояли в том, принадлежали или не принадлежали они к лагерю Бориса Ельцина (типичный российский вопрос — "наши или не наши?"). На политической карте России просматривался не характерный для Запада спектр оттенков от левого к правому, а набор концентрических кругов, все более удаляющихся от своего общего центра — Кремля. К явному недовольству демократов, Ельцин отказался возглавить "Демократическую Россию", заявив, что президент обязан стоять над политическими схватками. Вместо этого он решил создать из прежних и только что проявившихся политиков новую правящую элиту, раздавая им влиятельные посты и всякого рода привилегии.

Когда наконец в конце 1993 г. после ельцинского разгона прежнего парламента началась подготовка к новым выборам, демократы лихорадочно попытались организовать несколько жизнеспособных партий. В итоге избирательная кампания превратилась в теле-шоу вполне американского стиля. Три главных демократических блока заплатили 85 миллионов долларов за рекламу в средствах массовой информации, а либерал-демократы Владимира Жириновского — 14 миллионов. Перед выборами Национальный Демократический Институт Соединенных Штатов издал в Москве справочное руководство по искусству организации избирательных кампаний, содержащее детальные инструкции об использовании прессы и организации выступлений кандидатов.¹

Партии-соперницы не слишком различались политическими платформами. Все были за сдерживание инфляции, прекращение субсидий другим республикам и т.п. В силу общего недовольства непрекращающимся экономическим кризисом и недавним разгоном Верховного Совета четыре демократические партии получили лишь 35 процентов голосов избирателей. Коммунистам и их союзникам-аграриям досталось 20 процентов голосов, а список либерал-демократов собрал рекордные 23 процента — прежде всего благодаря националистической риторике их харизматического лидера Владимира Жириновского.

В результате первые российские свободные выборы обернулись пропагандистским триумфом эксцентричного неонациста, обещавшего превратить российско-литовскую границу в радиоактивную помойку и отобрать у Америки Аляску. Демократам пришлось объединиться с коммунистами и аграриями, чтобы не допустить прихода Жириновского к власти. Медлительность Ельцина привела к тому, что выборы опоздали на два года. К концу девяносто третьего избиратели уже потеряли веру практически во всех политиков. Ирония ситуации состояла в том, что свободные выборы, нанешие смертельный удар по остаткам прежней коммунистической системы, стали восприниматься как досадное препятствие на пути к новой рыночной демократии.

¹ "Как победить на выборах", Москва, 1993

2. Разделение властей

Второй крупнейшей политической ошибкой Ельцина после августа 1991 г. стала задержка подготовки новой конституции. Советники рекомендовали ему взять за основу российской политической системы американскую модель с президентом во главе исполнительной власти и верховным судом, играющим роль посредника между президентом и парламентом. Такая постановка вопроса породила несколько проблем.

Во-первых, Ельцину не было никакой нужды спешить с созданием сильной законодательной власти, способной реально ограничить полномочия президента. Несмотря на то, что первоначально Ельцин получил власть из рук Съезда народных депутатов России, после победы на президентских выборах в июне 1991 г. он ощутил себя независимым актером на российской политической сцене, а победа над ГКЧП в августе лишь усилила его веру в собственное политическое могущество.

Во-вторых, лишь один из краеугольных камней американской политической модели имеет прочные параллели в российской истории — идея сильной исполнительной власти. Две другие опоры американской политической системы — сильная законодательная власть и независимый конституционный суд, не имеют никаких аналогий в российском прошлом.

В-третьих, можно привести ряд соображений в пользу того, что разделение властей по американскому образцу не столь универсально, каким его часто считают. Нужно отметить, что сами отцы-основатели американской Конституции прекрасно понимали всю уникальность создаваемой ими политической конструкции. Американская система предполагает гражданский контроль над вооруженными силами и широкое распределение экономической власти в обществе. Ничего этого не было ни в России, ни в ряде других стран, к примеру, в Бразилии. Президентские формы правления в государствах Латинской Америки как правило заходили в тупик из-за противоречий между исполнительной властью и враждебными ей законода-

телями.² Вполне можно допустить, что для российской демократии куда лучше подошла бы парламентская система, при которой исполнительная и законодательная ветви государственной власти не отделены друг от друга, а довольно сильно взаимосвязаны.

После августовского путча Ельцин убедил Съезд народных депутатов предоставить ему на год чрезвычайные полномочия. После этого он назначил в правительство для проведения радикальных политических реформ по польскому образцу команду молодых технократов во главе с вице-премьером Егором Гайдаром. Тем самым были созданы условия для еще более жесткой политической конфронтации между все более агрессивным съездом и президентом, твердо решившим осуществить свои экономические и политические планы. В основе противоборства между Ельциным и депутатами лежали отнюдь не споры о будущем России и даже не интересы различных общественных групп. Это был не спор о политической стратегии и тактике, а элементарная борьба за власть. Ельцин пытался управлять страной единолично, почти не обращая внимания на мнение съезда.

Президентский аппарат разросся более чем до 20 тысяч чиновников и заполнил не только Кремль, но и здания бывшего ЦК КПСС. Этот взошедший как на дрожжах бюрократический левиафан был крайне неэффективен в работе. Сам руководитель президентской администрации Юрий Петров как-то сознался в своей неспособности следить за исполнением тысяч президентских указов.

Окопная война между президентом и Съездом растянулась на два года. Ельцин не раз обращался непосредственно к массам, используя для этого телевизионные выступления и призывы к проведению референдумов. Он вновь и вновь разыгрывал антикоммунистическую карту, обвиняя нардепов в попытках восстановить советскую власть. При этом Ельцин действовал и методом пряника, назначая отдельных депутатов на важные посты в своей администра-

² A. Valenzuela, "The Crisis of Presidentialism", *Journal of Democracy*, October 4, 1993, pp. 3-16.

ции. Обе стороны обвиняли друг друга в коррупции непомерных масштабов. В декабре 1992 г. на седьмом Съезде народных депутатов не слишком усердные попытки Ельцина войти в коалицию с центристскими силами закончились полным провалом. После этого Ельцин решил провести референдум о президентских полномочиях — с явным намерением опереться на его результаты в борьбе со Съездом. Этот опрос состоялся в апреле 1993 г. Хотя избиратели в целом и выразили доверие Ельцину и его экономической политике, предложения провести в том же году новые выборы президента и парламента не собрали нужного большинства. В июне Ельцин созвал специальное совещание для обсуждения своего проекта новой конституции, но Съезд заблокировал одобрение этого документа.

Тогда Ельцин решил пойти в наступление и 21 сентября объявил о роспуске парламента и новых выборах, превысив тем самым свои конституционные полномочия. Депутаты заперлись в Белом Доме и только 4 октября были выкинуты оттуда войсками. Вся страна наблюдала танковый обстрел Белого Дома на экранах телевизоров, и это могло обернуться для Ельцина потерей множества голосов на декабрьских выборах.

На волне октябрьских событий Ельцин распустил областные и краевые советы, приостановил работу Конституционного Суда (членов которого он ранее сам же и назначил) и временно запретил восемь политических партий вместе с их печатными органами. Он также отказался от данного прежде обещания провести досрочные президентские выборы, сохранив свои полномочия до 1996 г.

Составленный в пожарном порядке проект новой конституции сильнейшим образом расширил prerogatives главы государства. Например, президент получил право распустить парламент, если тот трижды откажется утвердить предложенную президентом кандидатуру премьер-министра. Конституция была одобрена на референдуме, проведенном одновременно с парламентскими выборами. Первоначально сообщалось, что за проект конституции проголосовал пятьдесят один процент избирателей, однако позднее эта цифра была снижена до сорока шести процен-

тов. Формально это означает, что нынешняя конституция России не имеет законной силы, но россияне уже дано перестали обращать внимание на подобные мелочи.

3. Независимая судебная система

Одной из главных слабостей российской демократизации нужно считать явную неудачу попыток создать независимую судебную власть. Прежняя система партийного контроля рухнула вместе с компартией после августовского путча. Однако и сегодня политики разного ранга, включая и самого Ельцина, продолжают манипулировать судами и прокуратурой по собственному усмотрению. Что касается Ельцина, то его отношение к судебной власти совершенно четко обнаруживается по стремлению править посредством собственных указов, нежеланию признать авторитет Конституционного Суда и укреплению централизованного контроля над деятельностью судебных органов.

Либералы надеются, что рыночная реформа создаст новый класс собственников, кровно заинтересованных в охране своих прав, и тем самым будет способствовать укреплению власти закона. Однако беспредел в российской экономике вынуждает бизнесменов добиваться выполнения контрактов с помощью мафии, а не судов.

4. Свободная пресса

Российская демократизация началась с гласности, и за последние десять лет в стране действительно появилась боевая и в целом независимая пресса с компетентным и преданным своему делу журналистским корпусом. В российских средствах массовой информации представлены всевозможные мнения и точки зрения, от крайних правых до ультралевых (имеются и проправительственные газеты). Но говорить о наличии в России действительно свободной прессы пока еще рано. Прибыли приносят только бульварные листки, а многие серьезные издания вынуждены были из-за финансовых проблем сократить тиражи. Большинство

российских газет и журналов зависят от частной либо государственной поддержки (впрочем, та и другая подчас предоставляются одновременно).

В свое время Ельцин и Бурбулис прекрасно показали готовность использовать государственные финансовые и политические рычаги, чтобы заставить прессу служить своим планам и целям — не случайно об этом столько говорили в период конфронтации между президентом и парламентом. От подобного давления особенно пострадало телевидение, ставшее кое в чем менее объективным, чем в 1991 г. В провинции либеральные центральные газеты нередко малодоступны, а большая часть местных средств массовой информации по-прежнему контролируется местными политическими боссами.

5. Поддержка обществом демократических ценностей

Западные политологи немало спорили и спорят о том, есть ли в России подлинная гражданская культура. Как вроде бы следует из опросов российского общественного мнения, проводившихся с помощью ряда американских организаций, например, Национального фонда в поддержку науки, демократические нормы (скажем, свобода слова) пользуются несомненным уважением в самых разных слоях российского общества.³ Однако эти результаты оспариваются многими специалистами. В большей части таких исследований вопросы брались непосредственно из аналогичных американских анкет — без учета российского политического контекста. Хорошо известно, что респонденты обычно стараются угадать "правильные" ответы — это тем более справедливо по отношению к российским жителям, для которых массовые опросы общественного мнения пока еще в новинку. Кроме того, респондентам обычно предлагали выразить отношение к отдельно взятым (и к тому же абстрактно сформулированным) демократическим ценностям, а представления об иерархии различных элементов демократии оставались за рамками опросов. Наконец, не

³ J.L. Gibson and R.M. Duch, "Democratic Values and the Transformation of the Soviet Union", *Journal of Politics*, 54 (May 1992), pp. 329-71.

надо забывать, что опросы выявили тоску населения по сильному политическому руководству. Да и результаты декабрьских выборов 1993 г. вряд ли так уж свидетельствуют о том, что в России демократические ценности укоренились всерьез.

6. Уважение к правам человека

Нельзя не признать, что ситуация с правами человека радикально улучшилась. Все политзаключенные, оставшиеся от прежнего режима, получили свободу, хотя в лагерях еще остается часть людей, осужденных за так называемые экономические преступления, на Западе не считающиеся таковыми. Все жители России могут свободно ездить за границу и эмигрировать. Хотя надлежащие судебные процедуры соблюдаются отнюдь не всегда (и это не может не беспокоить), все же в плане соблюдения прав человека Россия решительно двинулась к демократии.

Как ни иронически это звучит, сейчас права человека используются в качестве политического инструмента совсем не теми, кем они использовались раньше. Сейчас именно российское правительство ссылается на Хельсинкские соглашения, протестуя против нарушений гражданских и языковых прав русских, проживающих в Эстонии, Латвии и других республиках. А западные правительства ныне обеспокоены отнюдь не ограничением прав жителей России на эмиграцию, а перспективой, что Запад захлестнут потоки обнищавших беженцев из Восточной Европы.

7. Становление гражданского общества

Еще Алексис де Токвиль отметил, что американская демократия сильна богатством общественных связей и групп. Соответственно, американское содействие российской демократизации было в значительной степени направлено на поддержку всякого рода неправительственных организаций, от независимых профсоюзов до экологических движений, в которых видели самую прочную опору будущей российской демократии.

Некоторые американские специалисты в восьмидесятые годы утверждали, что элементы гражданского общества начали складываться в Советском Союзе еще во времена Брежнева. Казалось, что в горбачевскую эру пророчество Токвиля внезапно реализовалось на советской почве — начался взрывоподобный рост всех и всяческих неформальных групп, от буддистов и антисемитов до культуристов и самодеятельных театральных коллективов. В те годы неформалы играли чрезвычайно важную роль в расшатывании некогда несокрушимого коммунистического монолита.

Как только гласность сменилась демократизацией, сразу стало ясно, что эти группы не в состоянии перейти из общественной сферы в политическую. Правда, в республиках Балтии и Армении они участвовали в формировании массовых политических движений, в России этого не произошло. По мере усиления политической и экономической дезинтеграции неформалы все больше отставали от развития событий. С одной стороны, многие их лидеры были избраны депутатами разных уровней, с другой — в стране уже не было ни компартии, с которой они недавно боролись, ни прежних министерств, которые они лоббировали. В России 1994 года все еще нелегко найти добровольные ассоциации, которые можно было бы назвать инкубаторами демократических ценностей и демократического опыта. Реальные события последних лет опровергли гипотезу о скрытом вызревании гражданского общества внутри советской системы.

Более того, кажется, что сам подход, основанный на идее гражданского общества, содержал концептуальную ошибку в самой своей основе. Маркс вслед за Гегелем считал, что гражданское общество вырастает в противоборстве с государством. Напротив, Адам Смит видел в гражданском обществе более высокую и всеобъемлющую форму общественной организации, нежели государство. С точки зрения Смита, краеугольными камнями гражданского общества служат частная собственность и верховенство закона, ограничивающие власть государственной бюрократии. Если принять эту концепцию, основан-

ную на идеях шотландского Просвещения, станет очевидной преждевременность всех разговоров о гражданском обществе в России с ее почти полным отсутствием развитых форм частной собственности и правовых устоев.

АНТИНОМИИ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Переход России к демократии шел через распад многонациональной империи. Это обстоятельство заставляет серьезно задуматься о сущности российского государства и его специфических проблемах, не знакомых большинству переходящих к демократии стран (хотя ситуация в Южной Африке, Индии и бывших Чехословакии и Югославии в некоторых отношениях напоминают российскую). Демократия предполагает всеобщее согласие относительно состава ее субъектов, иначе говоря, народа, подчиняющегося ее законам. Либеральная политическая теория мало что может сказать о происхождении наций-государств и общих принципах их становления. На Западе формирование наций было длительным и болезненным процессом, растянувшимся на несколько столетий и часто приводившим к длительным войнам.

Российское общество пока что так и не пришло к согласию насчет того, кто же достоин права на самоопределение. России предстоит не только выбрать свое будущее политическое устройство, но также определить культурную специфику и сущность. Одновременно Россия должна решить, в каких границах она отныне будет развиваться. Нужно сказать, что сходные проблемы в свое время стояли и перед молодой американской демократией, однако найденные ею решения (например, концепция "очевидного предназначения" — Manifest Destiny — идея расширения Соединенных Штатов на запад до Тихого океана) не таковы, чтобы нынешнее международное сообщество могло принять их для России.

Россия никогда не была нацией-государством в общепринятом смысле. Этнические русские составляли менее половины населения Российской империи. Российское государство расширяло свою территорию три с поло-

виной столетия, так что теперь русским нелегко разобраться, где кончается собственно Россия и начинается чужеземье. Хотя при советской власти русские и играли доминирующую роль, многие элементы собственно русской культуры были подавлены, а правление русских маскировалось идеями интернационального социализма.

Кончину агонизирующего СССР резко ускорило усиление национализма. Горбачев своими политическими реформами открыл ящик Пандоры, дав дорогу подавлявшимся ранее национальным притязаниям, которые сам он не был в состоянии удовлетворить. Тем не менее, есть основания считать, что главным фактором разрушения СССР были не национальные притязания нерусских народов, а русский национализм. Горбачев хотел любой ценой сохранить Советский Союз, и это упорство создало благоприятные перспективы для возвращения Ельцина на политическую арену. Ельцину удалось превратить государственные институты Российской Федерации в мощный инструмент борьбы против общесоюзных партийных и государственных структур, возглавляемых Горбачевым. В конце концов в августе 1991 г. такие ключевые институты советского государства как армия и КГБ присягнули на верность ельцинской России.

Но даже отделившись от прежнего Советского Союза, Россия еще не превратилась в нацию-государство. Более того, целостность России подвергается и внешним, и внутренним угрозам.

Источник внутренней нестабильности — национальные меньшинства России. Составляя 19 процентов населения страны, они сосредоточены главным образом в российских республиках, которых насчитывается 21. Для большинства этих республик выход из состава России практически невозможен, поскольку они окружены российскими территориями, да к тому же во многих случаях представители титульной национальности составляют меньшинство их населения. Исключением является Чечня, которая достигла независимости де-факто.*

**Статья была написана до вторжения российских вооруженных сил в Чечню в декабре 1994 г. — Ред.*

Но есть и внешняя угроза национальному самосознанию и целостности России — отношения с другими республиками бывшего СССР. На территории этих республик проживают 25 миллионов русских, чьи интересы Москва считает себя обязанной защищать. Эти республики зависят от России экономически, а многие предприятия России все еще связаны с потребителями и партнерами из бывших нерусских республик СССР; в самой России такие предприятия образуют мощное лобби, требующее от правительства постоянных субсидий для торговли внутри СНГ.

Не все ясно и с проблемами национальной безопасности. Какую военную политику нужно проводить России по отношению к ближайшим соседям? Должна ли она просто наблюдать за гражданской войной, разрывающей на части Таджикистан? Следует ли ей вмешаться, чтобы положить конец продолжающемуся несколько лет конфликту между Арменией и Азербайджаном? И как быть, если Украина применит силу, чтобы предотвратить отделение Крыма? Демократизация сама по себе не дает ответов на эти ключевые для российской внешней политики вопросы, вокруг которых уже кипят политические битвы.

После распада своих колониальных империй даже западноевропейские государства в той или иной степени проходили через кризисы политического самосознания. Что уж говорить о России с ее куда более тяжелыми постимперскими проблемами, которые еще на многие годы осложняют процесс демократизации.

МОСКВА И РЕГИОНЫ

Безотносительно к проблеме российских границ важнейшим вопросом российской внутренней политики нужно считать не демократизацию, а строительство государства. Россия по-прежнему огромная страна с очень плохими коммуникациями, протянувшаяся на 11 тысяч километров. Развал центрального аппарата советского государства значительно ослабил возможности Москвы контролировать периферию. Называть нынешнюю децентрализованную и нестабильную политическую систему России "демо-

кратизированной" — просто использовать слова не по назначению; не случайно многие историки сравнивают сегодняшнюю ситуацию в России со Смутой начала семнадцатого века.

Нет сомнения, что Ельцин достаточно хорошо знает российское прошлое, чтобы недооценить опасность анархии. Тем не менее в 1990-1991 гг. он сделал немалые уступки провинциальной элите, чтобы заручиться ее поддержкой в борьбе против политических противников в Москве. В октябре 1991 г. он убедил Съезд отложить проведение выборов в регионах на год и сам назначил уполномоченных. Одновременно с крушением прежней системы во всех республиках, краях и областях России усилилась борьба за власть. Конкурирующие друг с другом местные элиты отчаянно старались обрести союзников в Москве. Некоторые из них подпали под покровительство Ельцина, а другие вступили в союз с руководством Съезда народных депутатов. В Нижнем Новгороде, например, поначалу удалось найти компромисс и установить хорошие отношения с аппаратом Ельцина. В классических традициях потемкинских деревень, Нижний превратился в образцовый полигон перехода к капитализму и стал излюбленным местом для целой армии западных консультантов, съехавшихся в Россию. Но компромисс оказался непрочным и со временем развалился.

Назначая своих представителей в края и области, Ельцин позволил республикам самостоятельно избрать собственное руководство. Президенты республик в марте 1992 г. вынудили Ельцина подписать новый Федеративный договор, предоставляющий им полный набор суверенных прав во всем, за исключением обороны. В том же году Ельцин предоставил республикам большие субсидии для того, чтобы перетянуть их на свою сторону в борьбе со Съездом и Хасбулатовым. Но в следующем году Ельцин попытался усилить контроль над регионами, что привело к изменению политического равновесия. Руководители регионов блокировали попытки ввести прямое президентское правление, а некоторые края и области избрали собственных глав администрации. Некоторые из них с ведома Ельцина были насильственно лишены власти.

Согласно опубликованному в июле 1993 г. проекту конституции, фактически признавались суверенные права республик, причем каждая республика и область получали по два места в Совете Федерации. Однако после октябрьских событий Ельцин распустил все областные и краевые Советы, а окончательный вариант конституции лишил республики ряда их особых прав.

Вряд ли Российская Федерация пойдет по пути СССР и расколется на несколько независимых государств. Как-никак, русские уже четыре столетия живут в едином государстве и обладают сильным чувством культурного и национального единства. Все пути от внутренних регионов России на Запад идут через ее европейскую часть, а Дальний Восток без поддержки Москвы окажется чересчур доступен для Китая и Японии. Тем не менее политические конфликты между центром и периферией почти свели на нет процесс демократизации. Победа Ельцина в Москве в немалой степени объясняется его умением противостоять центробежным тенденциям.

ДЕМОКРАТИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Экономику переходного периода обычно обсуждают в терминах компромиссов между социальной справедливостью и экономическим ростом или даже между демократией и экономическим развитием. Для России такие компромиссы — все еще непозволительная роскошь, поскольку падает производство и обостряется социальное неравенство, а борьба за построение жизнеспособной демократии еще далека от окончания.

Все разговоры о становлении рыночной экономики в России выглядят преждевременными, так как страна все еще не освободилась от смертельных объятий центрального планирования. Командная экономика создавалась не один день, и ее не сокрушить за короткое время. Сорокапроцентное падение российского промышленного производства было вызвано крахом старой системы, а не действиями политиков после 1991 г. "Шок" не был результатом решения правительства высвободить цены — ведь в 1991 г.

инфляция уже вышла из-под контроля. Он оказался расплатой за тяжелые и длительные ошибки в распределении ресурсов и грубейшие нарушения законов рыночной экономики.

Освобождение цен, проведенное в январе 1992 г., просто положило конец давно уже агонизировавшей экономической системе. Это не значит, что Гайдар действовал безупречно. Вероятно, он заслуживает критики за слишком оптимистичную уверенность, что либерализация цен и внешней торговли сразу покончит с наследственными дефектами системы. Освобождение цен в отсутствие реальной конкуренции между производителями не могло не привести к устойчивой инфляции. Отмена госмонополии на внешнюю торговлю обернулась лихорадочной распродажей природных ресурсов, причем большая часть выручки оставалась за рубежом. С 1992 г. отток капитала из страны составляет двенадцать-пятнадцать миллиардов долларов в год, а российское правительство не в состоянии выполнить обязательств по выплате процентов за внешние долги и просит Запад о новых кредитах.

Стараясь поскорее применить "шоковую терапию", команда Гайдара не приняла в расчет неспособность государства обеспечить минимум условий, необходимых для функционирования рыночной экономики (таких как стабильная денежная система, надежная защита от преступности, строгая законность). Как будто в насмешку над рассуждениями фон Хайека, новые российские власти предположили, что рыночные институты возникнут автоматически. Для воссоздания надежно действующего российского государства был необходим компромисс с ключевыми группами элиты, унаследованными от советского прошлого — парламентом, руководителями промышленности и т.п. Гайдаровская рать пренебрегла этими усилиями, предпочтя то, что можно назвать чисто технологическим решением — стала пожарными темпами проводить в жизнь экономические реформы в надежде сделать их необратимыми еще до того, как успеет сформироваться коалиция их противников. В чисто экономических преобразованиях фактически видели замену политических

реформ. На практике, однако, Съезд вынудил Ельцина отложить реализацию основных элементов реформистской программы, так что "шоковая терапия" (успех которой в любом случае не был никак гарантирован) оказалась мертворожденным ребенком.

Реформаторы надеялись, что политический престиж Ельцина вытянет экономические реформы. На практике все произошло как раз наоборот: популярность президента стала жертвой экономических перемен, произведенных от его имени. В июле 1992 г. правительство провело раздачу приватизационных чеков всему населению, надеясь тем самым обеспечить дружную поддержку реформ — как это произошло в Чехословакии. Конституционный Суд склонился на уговоры поддержать эту меру, после того, как в закон о приватизации было добавлено положение, оставляющее за коллективами приватизируемых предприятий право на покупку 51% акций. В итоге приватизация только усилила власть директорского корпуса над бывшими государственными предприятиями, хотя правительство прославляло ее как самую славную победу курса реформ.

В провинции контроль над ресурсами в основном все еще в руках старых хозяйственных кадров, хотя им пока еще не удалось громко заявить о своих интересах на национальном уровне. В то время как старые группы влияния потеряли большую часть своей политической базы, новым бизнесменам еще не удалось создать своей собственной. Пока что главный двигатель нового русского капитализма — краткосрочные сделки в расчете сорвать максимальную прибыль. Промышленное производство не обещает никаких доходов, и большие деньги делают на валютных спекуляциях, экспорте сырья и импорте дорогих потребительских товаров. Старые и новые элиты конкурируют за доступ к ведущим политикам и администраторам, от которых зависит распределение экспортных квот и предоставление банковских кредитов.

Непонятно, как можно защитить в глазах избирателей этот незрелый и хищнический капитализм. С другой стороны, многие русские, воспитанные на романах Эптона Синклера, представляли рыночную экономику именно та-

кой. В отсутствие реальной демократизации трудно было ожидать, что это массовое недовольство станет зародышем эффективного политического движения. Для большинства жителей России, привыкших к тяготам и неурядицам, "рынок" — политическая абстракция, символ перемен, с которыми необходимо смириться.

Пытаясь как можно скорее осчастливить Россию капитализмом, реформаторы не дали себе труда задуматься, что на самом деле никакой стандартной западной модели не существует. Особенно загадочна их святая вера в либерализацию торговли. Экономика большинства капиталистических стран десятилетиями развивалась под защитой протекционистских барьеров, а конвертируемые валюты превратились в массовое явление не ранее семидесятых годов. Китай добился фантастически быстрого экономического роста, не используя почти ни единого рецепта российских реформаторов. Китайский экспорт растет, как на дрожжах, но валютные операции все еще строго регулируются, а пошлины на импорт все еще не отменены. Движение к капитализму может осуществляться многими путями, но российские реформаторы с самого начала мыслили избранную ими дорогу как единственное спасение России. Такая стратегия полностью соответствует идеологическому наследию российского прошлого, когда вся политика была сведена к выбору между правильным и ложным курсом, между подчинением и бунтом.

* * *

Не в пример большинству стран Центральной Европы, Россия все еще не порвала окончательно со старой системой. Вместо полной смены политической элиты имела место длительная битва между исполнительной и законодательной властью, причем каждая выставляла себя единственно истинной защитницей демократии. Россия, в отличие от других стран в состоянии перехода, — бывшая империя, не определившая отношений с соседями и все еще не ставшая федерацией. Пока лишь горсточка стран с ду-

шевым доходом менее пяти тысяч долларов в год смогла пойти по демократическому пути. Средний русский пока что зарабатывает менее половины этой суммы; у России почти нет облегчающих путь к демократии культурных традиций, присущих таким странам как Индия и Ботсвана, входившим в состав британской колониальной империи. В таком свете будущее российской демократии выглядит не особенно лучезарно.

Из всего сказанного никак не вытекает, что России было бы лучше при каком-либо авторитарном режиме. Поспешная и непродуманная российская демократизация при всех своих недостатках была единственной возможностью покончить с советской системой и направить Россию на путь к более цивилизованному обществу. В то же время принятие американской модели разделения властей лишь усилило битвы на российском политическом Олимпе и подтолкнуло раздробление центральной власти. Скоропалительные усилия перенести на национальную почву чужие модели демократии и рыночной экономики в полном отрыве от собственных традиций и условий не принесли и не принесут пользы России. Еще меньше России нужна шумная и неумная "пропаганда успехов", особенно если ее проводят за счет американских налогоплательщиков.